

✦ Профессиональное кредо

К восьмидесятилетию Павла Семеновича Гуревича

П.С. ГУРЕВИЧ, Ю.М. РЕЗНИК

АНТРОПОЛОГИЯ С ЛИЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Аннотация: В диалоге двух исследователей, работающих в области философской и социальной антропологии, поднимается целый спектр проблем. Авторы сосредотачивают своё внимание на личном отношении к проблемам антропологии как науки и сферы профессиональной деятельности.

Разговор начинается с человека как «объекта» антропологии. Человек по-прежнему, несмотря на значительные научные открытия, остается загадкой для философии и науки. Если его тело и душа находятся под пристальным вниманием ученых и их взаимосвязь давно установлена, то сфера духа оказывается самым сложным для познания феноменом.

Но что же такое философская антропология, какова её предметная область? На это вопрос авторы отвечают по-разному. Для Ю.М. Резника антропология есть комплексный раздел философского знания, в котором выделяются свои онтология, гносеология и аксиология. Она изучает всеобщие связи в бытии человека, рассматривая их с точки зрения сущего, а не должного (как этика). Её предмет — такое сущее, как «человеческое в человеке» или проявления человечности в мире.

По мнению П.С. Гуревича, предмет философской антропологии — человек во всех проявлениях его бытия. Мыслители всё чаще обращаются к экзистенциальным состояниям человека, в которых открывается всечеловеческое и надмирное в нём.

Другое дело — социальная и культурная антропология. Она относится к научному знанию и изучает социокультурное разнообразие человека и человечества (Ю.М. Резник) или его социальную природу и формы культурного бытия (П.С. Гуревич).

Столь же сложным для интерпретации оказывается предназначение философской антропологии и самих антропологов. Любая из имеющихся трактовок антропологиче-

---

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором истории антропологических учений Института философии РАН (Москва). E-mail: gurevich@ Rambler.ru.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество» (Москва).

ской предметности («всеобщее в человеке», «сущность человека», «природа человека» и пр.) напрямую не указывает на характер деятельности антрополога. Чем он должен заниматься в первую очередь, зависит не от приоритетности тех или иных ракурсов в антропологии, а от круга интересов самого антрополога.

Так кто же таков человек в интерпретации философских антропологов? Его представляют по-разному: субъект деятельности, символическое существо и пр. Авторы предпочитают рассматривать мир человека сквозь призму новых оппозиций (бытий-ственное/небытийственное; творческое/ стереотипное; мужское/женское и пр.).

Разговор о том, что сами авторы представляют в философской антропологии, каков стиль их деятельности, оказался одним из самых сложных. Нельзя уложить всё многообразие деятельности конкретного исследователя в традиционные жанры и виды философского творчества. Об этом свидетельствует весь биографический опыт многих выдающихся философов. Авторы нашли свой путь в философии, однако их исследования продолжают и далеко не все интересующие их проблемы решены.

Abstract: *The two researchers working in the area of philosophic and social anthropology raise a number of important issues in this interview. They concentrate on their personal attitude to anthropology as a discipline and a professional sphere. The interview starts with the interpretation of the human being as an object of anthropology. In spite of many scientific discoveries, human being remains an enigma for both philosophy and science. Human body and soul are carefully studied by the scientists who have long ago determined the correlation of the two, whereas the spiritual sphere remains one of the most complex phenomena for cognition.*

But what is philosophic anthropology, what is its subject? The authors answer this question differently. For Yu. M. Reznik anthropology is a complex branch of philosophy within which it is possible to single out its own ontology, epistemology and axiology. Anthropology studies the universal connections in human existence regarding them from the view point of essence and not deontology. Its subject is the humanity of the humans or the humanity in the world.

In P.S. Gurevich's view, the subject of philosophic anthropology is human being in all manifestations of his/her existence. Thinkers more and more often turn to existential human situations revealing the universal and the other-wordly aspects of the human.

Social and cultural anthropology is a different story. It is a science which studies the social and cultural diversity of the humans and humankind (Yu. M. Reznik) and its social nature and cultural forms (P.S. Gurevich).

Equally difficult it is to interpret the mission of philosophic anthropology and anthropologists themselves. Neither of the existing interpretations of the anthropological problematic (the universal in the human being, the essence of the human being, the human nature, etc.) points directly to the nature of the anthropologist's work. What does he/she have to do in the first place does not depend on the priority of certain perspectives but rather on the interests of the researchers themselves.

So what is the human being in the interpretation of philosophic anthropologists? It can be presented in different ways: as a subject of agency, as a symbolic being, etc. The authors prefer to regard the human world through the prism of new oppositions (pertaining to being/not pertaining to being, creative/stereotypical, male/female, etc.).

The discussion of what the authors themselves represent in philosophic anthropology and what is the style of their theorizing proved to be the most difficult. It is impossible to put the diversity of a particular researcher's activity into the Procrustean bed of traditional genres and kinds of philosophic creativity. The biographers of most prominent philosophers testify to that.

The authors found their own way in philosophy. Yet they continue their endeavors striving to find answers to many questions they still have.

Ключевые слова: философия, философская антропология, гуманитарное знание, социальная (культурная) антропология, человек, природа человека, сущность человека, человеческое бытие, человечность, культура, тело, душа, дух, экзистенция, экзистенциалы.

Keywords: philosophy, philosophic anthropology, the humanities, social (cultural) anthropology, human being, human nature, human essence, human existence, humanity, culture, body, soul, spirit, existence, existentials.

Резник Юрий Михайлович: Павел Семенович! Большую часть своей профессиональной и творческой жизни Вы занимались антропологией: проводили исследования, выпускали книги, делали научные доклады, обучали студентов и аспирантов. Вам мы обязаны выпуском замечательных переводов по философской антропологии, значительная часть которых стала настольными пособиями для студентов и преподавателей [1-5].

Кроме того, Вы являетесь научным редактором и составителем десятков томов по философской и антропологической классике, в т.ч. трудов Н.А. Бердяева, М. Бубера, У. Джеймса, З. Фрейда, Э. Фромма, К. Хорни, Э. Тоффлера, К. Ясперса и др. Вы проводите большую научно-просветительскую и научно-педагогическую работу этой области философии, антропологии, культурологии, психологии и педагогике. Вашему перу принадлежат десятки учебников, перечисление которых заняло бы не одну страницу. Достаточно назвать серию книг «Учебники профессора П.С. Гуревича». Не могу не упомянуть также ежегодник «Спектр антропологических учений», который выходит регулярно под Вашей редакцией. Одним словом, всех Ваших заслуг не перечесть.

Особый интерес у меня лично вызывают многочисленные монографии и учебники по философской антропологии (см. прил. 1).

Поскольку Вы занимаетесь широким спектром гуманитарных проблем, я предлагаю сознательно ограничить поле нашего диалога рамками Вашего личного отношения к антропологии, прежде всего философской антропологии. Ведь для Вас, насколько я могу судить, антропология есть не просто предмет исследований, но и мировидение, образ мышления и даже образ жизни.

В этой связи хочу предложить следующую архитектуру нашей беседы:

- влияние антропологии на Ваше мировоззрение;
- философская антропология как особый стиль философствования;
- сфера Ваших интересов в области философской антропологии;

***

Итак, вопрос первый. Кто из выдающихся антропологов оказал на Вас самое глубокое влияние? Я знаю, что Вы фундаментально проработали психоаналитическую традицию в антропологии. Здесь Вы являетесь самым известным в России специалистом как по числу исследований, так и опыту консультирования. И все же кто или что повлияло на Вас в первую очередь? Какие философские и научные школы (направления) Вам идейно близки?

Гуревич Павел Семенович: Дорогой Юрий Михайлович! Вы так юбилейно начали наш разговор, что даже меня смутили. Помню, когда Валентину Петровичу Ката-

еву, известному писателю, тоже, как и мне в этом году, исполнилось 80, его пригласили выступить по радио. Молодая, восторженная журналистка спросила его:

– Скажите, Валентин Петрович, откуда у Вас этот неизбывный, нечеловеческий талант.

Валентин Петрович кашлянул и без всякой иронии ответил:

– Я думаю от мамы...

Разумеется, философская антропология – это моя основная специальность. Еще в начале 1980-х годов я читал лекции на факультете журналистики МГУ. Рассказывал студентам о концепции человека, как она сложилась у К. Маркса, Н.А. Бердяева, Б. Ананьева. Но спецкурс назывался замысловато – «Человек и человеческий род». В те годы философская антропология получила определение как типично буржуазная наука. Председатель Научного совета по проблемам зарубежных идеологических течений академик М.Б. Митин как раз был командирован в Грузию. Там к тому времени сложилась продуктивная школа философской антропологии. Академик был призван устранить этот последний очаг буржуазной заразы.

Однажды перед началом лекции ко мне подошел молодой человек и попросил разрешения присутствовать на лекции. Нравы в МГУ тогда были свободными – студенты могли ходить на все предметы, не только те, что предстояло сдавать на зачете или экзамене. Существовал своеобразный культ интереса. Как только я начал читать лекцию, мне на стол положили записку: «Будьте осторожны, на вас есть жалоба». Чуть позже меня вызвали в отдел науки ЦК партии и показали письмо этого молодого человека. Оно звучало так – «Доношу до вашего сведения, что П.С. Гуревич под видом спецкурса читает философскую антропологию». Поскольку я работал в Совете под руководством академика Митина, этот донос обошелся мне легкой кровью. У других преподавателей были неприятности более серьезные. В чем же дело?

Известно, что К. Маркс начинал свою философскую деятельность как антрополог. Уверен, что его идеи относительно человека до сих пор сохраняют свое значение и актуальность. Но зрелого Маркса стали увлекать большие социальные общности, логика исторического процесса. Поэтому теоретические размышления Маркса о революции, обществе и окончательной победе пролетариата вошли в противоречие с его философскими размышлениями о человеке. Помню, что в Академии общественных наук аспирантам не разрешали цитировать первые два тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Считалось, что молодой Маркс стоял тогда на позициях абстрактного гуманизма.

Кто повливал на мои философско-антропологические увлечения? Прежде всего, Зигмунд Фрейд. Я выступил оппонентом в МГУ на защите одного зарубежного специалиста. В знак дружбы он подарил мне томик сочинений Фрейда, изданного на русском языке в Лондоне. Я читал с огромным восторгом. Мне казалось, что я получил ответы на вопросы, которые меня мучили. Я, например, думал, почему огромные пласты культуры, связанные с традицией, устным народным творчеством, мифологией не имеют авторов. Кто же придумал традицию или события, отраженные в мифе?

Более того, мне казалось, что этот анонимный пласт культуры, проявляющий себя в древних мистериях или карнавалах, является крайне важным ярусом культуры. Размышления Фрейда о бессознательном в значительной степени явились для меня ответом на мои вопросы. Действительно, многие феномены культуры вообще

не являются продуктом сознательной активности или деятельности человека, они рождаются в глубинах бессознательной жизни людей.

Культура как феномен многоярусна. Если говорить о внешней стороне дела, то в ней объективируются, воплощаются продукты человеческой деятельности. Однако этот процесс духовного творчества менее всего напоминает механическое приращение все новых и новых манифестаций человеческой активности. В культуре ошутимы живой нерв, глубинное наполнение, полноводное движение живительного преобразования. Образ Гольфстрима — теплых течений в северной части Атлантического океана — использован русским философом М. Гершензоном для метафорического выражения мощных сдвигов в культуре.

И, тем не менее, культуру вряд ли можно рассматривать как арифметическое приращение все новых и новых духовных состояний. Первообразы культуры, рожденные в древности, нередко сохраняют в себе не менее значимое содержание, нежели современные творения культуры. По мнению М. Гершензона, в многократный срок развития, предшествовавший нашей культуре, был добыт весь существенный опыт человечества. Мир — не стылая данность, он находится в процессе неустанного живительного преобразования. Но в нем есть и бесконечный ряд нисходящих степеней: от сильнейшего жара до нулевой отметки. В таком контексте культура воспринимается как спонтанное, ничем не стреноженное выражение душевного жара. Она вырастает из хаоса, из глубин обостренных, труднонасыщаемых влечений человека. Культура, стало быть, — отражение пучин человеческого духа.

Что же это означает? Культура не только рассудочна, аналитична. Она вбирает в себя человеческие страсти, тайные умыслы и вожеления. Культура спонтанна, открыта всем ветрам. Она сродни хаосу, потому что ее омывают подземные воды. В ней нет жесткой предусмотрительности. И в то же время культура не слепа. Духовное преобразование в ней подчиняется тайной гармонии мироздания. Космология (учение о космосе) у Гераклита плавно переходит в антропологию (учение о человеке). Человек тоже вечно «течет». Сама душа в меру своего разгорания и остывания формирует тело.

Итак, культура творится не только по аналитическому расчету, в результате орудийной хитрости человека. Она — порождение человеческой души, человеческого жара. Это многое поясняет в природе культуры. Ее архитектоника (закономерности строения) — не только воплощение мысли, в культуре проступает и иррациональное содержание. Примером может служить сам феномен бессознательного...

Среди многообразия философско-антропологических школ я мог бы выделить психоаналитическую и экзистенциальную антропологию. Возьмем для примера юнгианское учение о коллективном бессознательном. На мой взгляд, оно имеет значение не только для изучения психической структуры человека. Парадигмальный смысл этого открытия перекликается с духовной мистической традицией, с представлением о человеке как космическом создании. Неслучайно трансперсоналисты считают Юнга предтечей своего мощного направления. Теперь возьмем для иллюстрации мысль Карла Ясперса о том, что человек не является изначально целостным существом. Эту целостность он обретает или не обретает на протяжении своей жизни. Эта идея стала основой моей работы «Проблема целостности человека».

Юрий Михайлович, вы, очевидно, знаете, что я являюсь президентом Московской ассоциации психоаналитиков и директором Института психоанализа и соци-

ального управления. Так вот в своей клинической практике я условно делю пациентов на три группы. Многие обращаются к психоаналитику с проблемами телесности: есть больной орган. Человеческое тело в широком смысле этого слова есть основа душевной жизни. Тело и душа образуют витальное единство в противоположность единству духовному. Тело оказывает влияние на душевное начало, которое в свою очередь воздействует на тело силой воображения, чувствами, аффектами, настроениями. На свете более семи миллиардов неповторимых человеческих тел. Для человека его собственное тело как синтез телесного и духовного оказывается центральным объектом переживаний, наглядным воплощением его Я, по аналогии с которым он создает свой образ человека и мира. Но много ли человеку известно о своем теле, своем организме? Число открытий в этой области к началу XXI в. достигло значительных величин.

Тело знает, что такое насыщение, трепетность, нега, страстность. Человек есть, прежде всего, животное. Он животное, потому что зависим от животного функционирования своего тела. Однако в нормальных отношениях, он с трудом удерживает в уме, что первоначально он — животное. Он понимает, что в культуре доминируют эго-ценности и что она организована на основе причинно-следственных взаимоотношений. Если он утрачивает свою животную природу, то становится автоматом. Если он отрицает ее, он становится бесплотным духом. Если он извращает эту природу, то становится демоном.

Мы, люди западной цивилизации, живем в такой культуре, которая утесняет душу, но зато открывает пространство для телесных радостей. Но порой психоаналитик выслушивает жалобы уже не на собственное тело, а на собственную душу: пациента мучает комплекс неполноценности, одиночество и т.д. Первая трудность, с которой сталкиваются философы, это объяснение души человека. Душа, как таковая, не есть объект. Что это означает? Она может проступить (объективироваться) благодаря сопутствующим соматическим обнаружениям, осмысленным жестам, поведению, поступкам. Она проявляет себя посредством речевой коммуникации. Все эти доступные восприятию феномены — результат действия психической субстанции. Но если мы не воспринимаем психическую субстанцию непосредственно, то, по крайней мере, делаем вывод о ее существовании.

Наконец, есть пациенты, которые страдают от роптаний духа. Они переживают экзистенциальный опыт, находятся в поисках смысла жизни, задумываются над конечностью человеческого существования. Но вот парадокс. Ни в одном философском словаре нет статьи, посвященной духовности. Нет этого понятия и в культурологических словарях. Едва ли все осознают, что это важный фактор развития цивилизации, открытия новых форм общественной жизни. Все тоскуют о желаемом преобладании в человеке духовных, нравственных, интеллектуальных ценностей, но дальше общих слов современная социальная мысль не продвигается.

Понятие «дух» весьма многозначно. Некоторые исследователи связывают дух с феноменом запредельного, неземного, отыскивая в нем черты божественности. Светские мыслители отождествляют дух с идеалом, со стремлением человека к совершенству. Нередко с этим словом связывают различные программы нравственного обогащения человека. Разделяют, скажем, «духовность» и «потребительство», стремление к жизненным благам. «Дух» нередко ассоциируют с определенными способностями людей. В силу такой полисемичности, естественно, необходимо вернуться

к истокам, сравнить разные версии слова, его смысла и включенности в различные контексты.

Ю.М.: Антропология для Вас и для меня является основным видом профессиональной деятельности. И каждый из нас сформировал собственное видение её предметной области. Мой интерес к антропологии (особенно – социальной и культурной) впервые проявился в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда я столкнулся с проблемой иного и инаковости в культуре. Затем в 1994 г. мне суждено было наладить обучение студентов по специальности «Социальная антропология». Вы же начали заниматься антропологией гораздо раньше. К тому времени, когда я организовал факультет социальной антропологии в одном из московских вузов, Вы уже имели значительный надел научных исследований и публикаций. Именно на них в начале 1990-х гг. я опирался в первую очередь при подготовке учебных программ и курсов по философской и социальной антропологии.

В одном из энциклопедических изданий Вы приводите развернутое определение философской антропологии: «раздел философии, в котором изучается человек как особый род сущего, осмысливаются проблемы человеческой природы и человеческого бытия, целостности человека, анализируются модусы человеческого существования, выявляется потенциал антропоцентрической картины мира, а также отношение человека к природе, обществу и самому себе» [6, 627]. На мой взгляд, в нём можно выделить несколько аспектов:

- сущностная специфика природы и бытия человека («особый род сущего» или «особое сущее», целостность и модусы существования);*
- взгляд на мир сквозь призму человека («антропоцентрическая картина мира»);*
- характер ценностных и иных отношений человека к природе, обществу и самому себе (антропология как «зеркало для человека»).*

Следовательно, в данном определении можно выделить, как минимум, три взаимосвязанных аспекта: онтологический (проблемы человеческого бытия), гносеологический (картина мира) и аксиологический (ценностное отношение к миру). Это дает основание для утверждения, что антропология как часть философского знания включает в себя все его традиционные разделы – онтологию, гносеологию и аксиологию. Но вместе с тем она решает ряд проблем, которые характеризуют её предметную специфику (например, антропогенез, проблемы жизни и смерти, любви и ненависти, страха и страдания и пр.).

Философская антропология изучает бытие такого сущего, как человек, в его всеобщем и целостном выражениях. В известном смысле она есть аналитика человеческого бытия, раскрывающая его метафизические, экзистенциальные и феноменологические основания. Её предметом выступает аналитическая реконструкция «человеческого в человеке» или человечности, как таковой. Однако в отличие от этики, которая рассматривает человечность в аспекте должного и ставит проблему бытия человека для человека, антропология как философская дисциплина выделяет всеобщее в мире человека, исследуя его в аспекте сущего. У этого сущего имеется много названий (присутствие, бытие-для-себя, субъективно-сущее, персонально-сущее, духовное существо и т.д.), но не одно из них не выражает полностью смысл человеческого в человеке.

Вы знаете не хуже меня, что в отличие от философской антропологии социальная (и культурная) антропология относится к разряду социальных наук. Она изучает не социокультурное разнообразие человечества, а человека как существо, интегрированное в конкретно-историческую социальность и культуру.

Мой вопрос состоит в следующем: каким видится Вам сегодня предмет философской антропологии? Изменилось ли со временем ваше понимание ее или нет? Каков тот особый ракурс или взгляд, которым обладает философствующий антрополог в отличие от других философов? И чем отличается, с Вашей точки зрения, философская антропология от социальной и культурной?

П.С.: Философское постижение человека существует во множестве вариантов. В огромном и весьма значимом труде под Вашей редакцией показаны разные варианты современного дробления знаний: культурная, социальная, религиозная, политическая, историческая, педагогическая, психоаналитическая. Вы у нас, Юрий Михайлович, известный методолог. Вас интересуют межи и демаркации в антропологии. Но попробую обрисовать свою позицию. То определение философской антропологии, на которое Вы ссылаетесь, я не стал бы исправлять или корректировать. Предмет философской антропологии – человек во всех проявлениях его бытия. В философской антропологии обнаруживается в наши дни обостренный интерес к экзистенциальным (жизненным, трепетным) состояниям человека. Мыслители все чаще обращаются к человеку, когда он захвачен страстью. В этот миг в нем открывается всечеловеческое, надмирное и земное. Философы стараются взглянуть в человека, увлеченного сильнейшим порывом. Драма человеческого существования раскрывается именно в упоении страстями. Входя в мир тончайших человеческих переживаний, философы осмысливают такие экзистенциалы, как страх, отчаяние, страдание, одиночество, ощущение бренности.

Что же касается социальной антропологии, то ее предмет мне ясен: она изучает социальную природу человека. Но за вычетом социальности в человеке есть еще огромное жизненное содержание, которое может и не интересовать социального антрополога. Маркс писал о том, что социальная природа человека, в конечном счете, сводится к тем социальным ролям, которые ему присущи.

Но нам сегодня понятно, что социальность не захватывает человека целиком. Об этом хорошо написано в последней монографии Н.В. Мотрошиловой «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие-время-любовь» (М., 2013). Однако без тех открытий, которые сделаны в рамках социальной антропологии, философская антропология была бы урезанной и бедной. Что касается культурной антропологии, то ее интересуют формы культурного бытия человека. У Бердяева есть такое выражение «Культура как великая неудача». Почему неудача? Да потому что ни одна из наличных форм культурного бытия человека не раскрывает его полностью.

У меня есть докторантка из Монголии, которая пишет диссертацию на тему: «Этнос как антропологическая проблема». Поразительно, об этносе написано множество трудов, но так и осталась неисследованной проблема культурной антропологии: что нового открывается нам, когда мы постигаем этнос через человеческую природу, а не через бесконечное перечисление культурных различий.

Ю.М.: *Своё отношение к философской антропологии я высказывал неоднократно в разных текстах, но методологом себя никак не считаю. Слишком ответственная позиция для человека, который большую часть своей философской и научной жизни занимался другими темами и проблемами, относящимися к сфере социальной философии и теоретической социологии, культурологии и социальной антропологии. И лишь последние десять лет я обратился к собственно философско-антропологической проблематике. Что-нибудь фундаментальное в данном направлении мне в отличие от Вас пока не*

удалось сделать. Так, отдельные статьи, выступления и лекции. Но, может быть, мне удастся подготовить монографию.

Продолжая начатую тему, мы подходим к одному из самых интересных сюжетов. В уже упомянутом мною тексте Вы формулируете его в виде вопроса: «кого же следует считать философским антропологом?». Я бы добавил к нему следующее: в чем заключается особенность позиции и взгляда такого философа? Может быть, в том, чтобы выявлять «всеобщее в человеке» или в том, чтобы раскрывать «сущность человека» или, наконец, создать «обобщенный образ человека». Вы справедливо отмечаете, что у философской антропологии появляется еще одно значение — истолкование человека в конкретно-исторической ситуации (социальной, экзистенциальной и пр.).

И все же среди перечисленных черт антропологического подхода чего-то не хватает. Лично у меня остается чувство неудовлетворенности. Не схвачено главное. Возможно, его следует искать в тех отраслях философии и науки, которые относят к второстепенным или маргинальным. Пока не знаю. А Вы как думаете? Что отличает взгляд философского антрополога от специалистов других областей философского и научного знания?

П.С.: «Всеобщее в человеке», «сущность человека», «обобщенный образ человека» — это разные и конкретные проблемы, которые не замешаются друг другом. Здесь, на мой взгляд, нет выбора. Каждая из этих проблем изучается в философской антропологии, и я не вижу в этом контексте приоритетности. Обозначить всеобщее в человеке вовсе не означает, что удалось выявить сущность человека. «Создать обобщенный образ человека» вовсе не означает выразить в нем всеобщее.

Наверное, то, что Вас мучает, действительно нуждается в прояснении, но я не вижу здесь проблемы демаркации или выбора. Философская антропология не станет богаче, если мы ограничим ее каким-то одним аспектом человеческого бытия.

Ю.М.: *Меня мучает многое, но, пожалуй, больше всего наша с Вами антропология, поскольку она находится в центре наших философских интересов. Прослеживая исторический путь философской антропологии, Вы выделяете разные сущностные характеристики человека. Человек есть существо разумное, как считали философы прошлого, деятельное существо, духовное существо, символическое и космическое существо. Человека наделяли признаками божественности (сверхчеловечность) или эксцентричности, открытости и незавершенности, экзистенции или трансценденции. В персонализме в человеке считали главным проявлением личностное начало. И, тем не менее, что-то в человеке каждый раз упускается из виду. Может быть потому, что не только человек, но и наука о нём является открытой системой? Всё, что сказано о человеке, недостаточно, поскольку познавательные возможности ограничены. Не хватает новых идей и концепций? Что Вы скажете по этому поводу?*

П.С.: Тем у философской антропологии много. И все они безграничны по своему охвату и глубине. Дело не в том, чтобы найти еще нечто, что упускается из виду. Человек существо разумное и неразумное, деятельное и созерцательное, имманентное и трансцендентное, завершенное и открытое, экзистирующее и живущее в филлистерстве, гармоничное и эксцентричное.

Кстати, в работе «Расколотовость человеческого бытия» я постарался обозначить некоторые новые оппозиции: бытийственное или небытийственное; целостное или раздробленное; имманентное или трансцендентное, телесное или духовное; индивидуальное или социальное, идентичное или расподобленное; творческое или сте-

реотипное; мужское или женское; сознательное или бессознательное; личное или безличное.

Ю.М.: У каждого антрополога (философского или научного) имеется не только своя позиция по вопросу о природе человека, но и свой исследовательский почерк и даже стиль. Что (какие черты) характеризует Ваш индивидуальный стиль исследований? Считаете ли Вы себе специалистом «узкого» или «широкого» профиля (например, историком антропологических учений или ученым-фундатором)?

Многое в работе антрополога зависит от научных предпочтений и интересов. Кто-то уделяет больше внимания обоснованию теоретических моделей человека, кто-то занимается разработкой методологии исследований. Имеется группа исследователей, которые предпочитают вместо теоретических обобщений и методологических штудий изучать «частные» проблемы человеческого бытия. Какой вид антропологических исследований Вы предпочитаете в своей профессиональной деятельности?

П.С.: Юрий Михайлович! Мы с Вами опять вступили в сферу рубрикации. Легко ли вообще сетку, которую Вы предлагаете, приложить к любому философу, который занимается философским постижением человека? Э. Кассиреру принадлежит своеобразная и обобщенная характеристика человека — «человек есть символическое животное». Но у него же есть и попытка выстроить исторический очерк философской антропологии. Мартин Бубер — один из ярких представителей феноменологии «другого» в работе «Проблема человека» излагает собственную версию летописи философской антропологии.

Меня интересуют в философской антропологии разные аспекты. В последних моих работах я попытался воссоздать собственный вариант истории философской антропологии. В меру своих скромных возможностей я обращаюсь и к отдельным, по сути разным проблемам — философского постижения человека. Но если говорить об узости своих предпочтений, то я хотел бы более обстоятельно разработать проблему человеческих экзистенциалов — любовь, властолюбие, страх, труд, смерть и т.д. Лучше сказать так — хотел, но не смог и не успел.

Ю.М.: Мне, как и Вам, хотелось углубиться в некоторые антропологические темы. Вас интересуют экзистенциалы, а меня целостные феномены человеческого бытия. Хочу понять характер сущностной связи человеческих феноменов и их экзистенциальных проекций.

Павел Семенович! Сегодня можно встретить две противоположных позиции в оценке места и роли антропологии в современном мире. Одни считают, что антропология, как и вся гуманитарная наука, переживает глубокий кризис и находится в состоянии поиска новой парадигмы. Другие, напротив, полагают, что сегодня наблюдается настоящий антропологический бум. Антропология и антропологический подход проникли практически во все области знания, а число антропологических дисциплин продолжает непрерывно расти. Так, в науке, нет такой области, где бы не было своей антропологии. Как Вы считаете, куда идет современная антропология, включая философскую — к своему закату или расцвету? И чем Вы это объясняете?

И еще один вопрос о судьбе антропологии. Пожалуй, нет такой сферы знания, где бы ни было такого водораздела между отдельными частями, как у антропологии. Часть её принадлежит естественнонаучному знанию (физическая антропология, палеоантропология и пр.), другая часть — социально-научному знанию, третья — философскому. Вы сами отмечаете этот процесс внутреннего дробления антропологии. И всё же фи-

лософы-антропологи находятся в несколько привилегированном положении. Они допущены к «святая святых» — проблемам человеческого духа. Если следовать условному разделению, то телом занимается физическая антропология, душой — психология и психологическая антропология, а на долю философской антропологии остается сфера духа.

К тому же любая наука имеет все уровни — от общей теории до частных (например, общая биология и эмбриология). Но у антропологов нет своей общей теории (общей антропологии). Конечно, на её место может претендовать философская антропология, но она традиционно считается разделом философии и отделена от науки дисциплинарными коридорами.

Кстати, сам термин «философская антропология» несет в себе противоречие: антропология по своей этимологии есть наука (часть науки), а философию чаще относят к особому виду ненаучного, хотя и рационального знания. Как может в одном названии уживаться два трудно совместимых вида знания и две разных методологии?

Возможно, ли с Вашей точки зрения интегрировать эти области антропологического знания в единую науку о человеке? И, какова роль в этом процессе философской антропологии?

П.С.: В наши дни любая достойная область знания переживает кризис. Это слово не следует понимать как тождественное «упадку», «загниванию» или «разрушению». Без кризисов, ведущих к новой парадигме, не может быть ни философии, ни науки. Антропологический бум как феномен не является контрроверзой кризису. Да, есть и бум, есть и кризис. В философии, как и в науке, дробление знания, как и его интеграция — два законных процесса.

Сегодня антропологическое знание дробится, дело доходит порой до курьезов, к примеру, нужна ли нам филателистская или кулинарная антропология? Но вместе с тем виден и процесс интеграции разрозненных представлений о человеке. Человек, как мы условились, особый род сущего. Его эксцентрика в том и состоит, что у него есть тело, душа и дух. Они находятся в разных сферах постижения. Но в том-то и проблемность философской антропологии. В феномене человека обнаруживается и конкретное научное знание, и философская обобщенность и интуиция.

Философия ведь тоже считается наукой (позитивизм, Э. Гуссерль) и не считается наукой (платонизм, кантианство и т.д.) Разве это оксюморон — философская антропология? Кант сразу снял эту проблему, дав другое определение новому знанию, «антропология с прагматической точки зрения». Как могут уживаться эти два разных подхода в одной области знания? Разве мы с Вами первыми обратили внимание на этот вопрос? Констатация этого противоречия ничего не добавляет к нашим представлениям.

Продуктивно раскрытие этого противоречия, а не обозначение ситуации тупика. Анри Валлон наблюдал за поведением обезьян, которые видят себя в зеркале. Жак Лакан, отталкиваясь от этого биологического наблюдения, построил философскую концепцию регистров психики. Вопрос о том, как уживаются эти два подхода, сразу отпадает. Проблема, на мой взгляд, заключается в другом: нужно всегда помнить о жанре идеи, о том, в каком горизонте существует эта идея. Иногда авторы соединяют без рефлексии абсолютно разные регистры — научный, философский, мистический.

Возможна ли общая наука о человеке? Если отвечать умозрительно, можно ответить положительно. Но время общих систем ушло. На мой взгляд, не стоит специально томиться этой мыслью. Мне, к примеру, никогда не была близка мысль К. Марк-

са о том, что науки о природе и науки о духе могут счастливо соединиться в одном общем русле. В свое время поклонники исторического материализма учили нас: «нельзя соединять, но нельзя и разъединять». Не сидит ли в наших мозгах эта доктринерская установка мнимой значительности? Никто не знает, как будет развиваться дальше наука. Недавно один крупный ученый заметил: возможно, мы никогда не поймем, как устроена Вселенная. Мартышка никогда не поймет теорию относительности Эйнштейна. Методологические размышления о том, что надо слить, а что разъединить, часто демонстрируют лишь убогость мысли.

Ю.М.: Ну что ж, не буду принимать всё на свой счет. Свою личную убогость (надеюсь, не интеллектуальную) я осознаю в полной мере. Все мы грешны методологическими бдениями. Насколько они убоги или актуальны судить не нам, а нашей читательской аудитории и научным потомкам. Пусть они решают, что останется в философской копилке, а что выбросить на мусорную свалку. Там уже и так много накопилось макулатуры.

Антропология переживает сегодня не столько идейно-теоретический, сколько институциональный кризис. В отличие от западной науки у нас нет центров междисциплинарных исследований человека. Я знаю, Вы много сделали в направлении интеграции наук о человеке. Вместе с И.Т. Фроловым Вы в своё время разрабатывали идею «комплексного человекознания» и закладывали концептуальные основы Института человека РАН. Института не стало, но отдел остался. Однако продолжается ситуация параллельного существования «разных» антропологий. Только в нашем институте имеется несколько секторов антропологической направленности.

Что Вы думаете о перспективах комплексных и междисциплинарных исследований в антропологии? Сможет ли Институт человека (как образ) возродиться в новом качестве? Или эта замечательная научно-организационная идея уже похоронена навсегда?

П.С.: Идея Института человека, как известно, содержалась еще в письме И.В. Сталину, написанная М. Горьким. Еще до прихода в Академию наук, я в качестве главного редактора общественно-политического еженедельника снова вынес этот вопрос на обсуждение научной общественности. Но не я, а именно Иван Тимофеевич Фролов сумел реализовать эту идею. Можно ли говорить о воскрешении этой идеи в условиях тотальной и агрессивной атаки на науку? Современный чиновник полагает, что наука занимается производством умывальников и холодильников.

Ситуация параллельного существования «разных» антропологий в Институте философии временная. Чиновники «почистят» нужные структуры. И мы будем вспоминать: какое было замечательное время, когда была возможность развивать разные подходы. Мы можем быть умными или не очень, преданными власти или — совсем наоборот. Но мы не должны быть смешными. О каких перспективах комплексных и междисциплинарных исследований в антропологии Вы грезите? Разве это проблема методологии, научного спора, теоретической догадки? Чиновник смутно догадывается: он сможет довести свое подлое дело до конца, потому что интеллигенция живет в иллюзорном мире.

Ю.М.: Про чиновничий беспредел в науке сейчас говорить не хочется, особенно на фоне продолжающегося разгрома нашей Академии. Этому посвящен наш диалог с А.Л. Никифоровым, который опубликован в данном выпуске. Но продолжим наш разговор.

Трудности интеграции разных отрядов и отсутствие «единого дерева» антропо-

логической науки обуславливает сложности, связанные с профессиональным самоопределением молодого специалиста по антропологии. Сказываются также отечественные традиции, в частности разделение антропологии на «собственно» антропологию («естественную историю человека») и этнологию (или этнографию).

В нашей стране антропологами называют не всех исследователей, занимающихся антропологией, а лишь физических или биологических антропологов. Остальные группы специалистов воспринимаются преимущественно как гуманитарии.

Как Вы считаете, есть ли будущее для профессии антрополога? Можно ли будет со временем говорить о единой антропологической науке?

П.С.: Кому в стране нужна единая антропологическая наука? Жорес Алферов, значимая фигура, публично заявил, что философия вообще никому не нужна. Идет целенаправленное истребление гуманитаристики. Ваш вопрос «из прекрасного далека».

Ю.М.: Дело не во мнении значимых фигур. Здесь ситуация куда хуже. Вы ведь об этом прямо пишете: философия и вообще гуманитаристика сегодня оказалась невостребованной не только властью. Возможно, гуманитарное знание актуально лишь в условиях стабильного социального порядка.

Теперь хотелось бы поговорить вкратце о личностной составляющей в философской антропологии. Как Вы помните, М. Хайдеггер называл свою фундаментальную онтологию «экзистенциальной аналитикой бытия». В данном случае я толкую термин «экзистенциальный» как укорененный в жизненную ситуацию действующего или познающего субъекта.

Что для Вас как человека, занимающегося профессионально антропологией, значимо в этом виде деятельности? Насколько глубоко антропология и антропологическое видение проникли в Ваше мировоззрение? Что Вам лично дала антропология — новое видение мира, глубокое понимание человеческих проблем, знание причин человеческого несовершенства? Смогла ли профессиональная деятельность в области антропологии изменить Ваш характер и образ жизни?

П.С.: Юрий Михайлович, какой философ, если он не ушиблен мешком, скажет, что он обрел новое видение мира, глубокое понимание человеческих проблем, знание причин человеческого несовершенства. Вот Кант написал о злонравии человеческой природы. Да разве он что-нибудь понял в этом дьявольском наущении? Неужто, он обнаружил в себе глубокое понимание человеческих проблем? Мой отец имел четыре класса образования (учился в хедере), мама училась два года. Я единственный из четырех членов семьи получил образование. Философская антропология определила мои теоретические интересы, позволила руководить сектором при четырех разных руководителях Института. Я счастлив, что всё так получилось. Но ухожу из жизни с выражением крайнего недоумения на лице. Что всё это было?

Ю.М.: Наверное, это и есть Ваша жизнь. Разве Вы мало сделали за свой творческий путь? И уходите из жизни Вам еще рано. А недоумение можно оставить. Боюсь, что оно сегодня у многих гуманитариев определяет выражение лица. А вот быть ушибленным вовсе не так уж плохо для философа, только желательнее не кирпичом по голове. Голова — самое дорогое и ценное, что у нас еще осталось. Все великие философы надеялись на то, что они продолжали развитие философской мысли. Ничто человеческое не только им, но и нам не чуждо.

Будущее академической науки сегодня находится под угрозой. Над ней навис маховик бюрократической машины. Отечественная бюрократия уже расправилась с вузов-

ской и отраслевой наукой. Теперь на её пути остался последний бастион – РАН. В этой связи, можете ли Вы дать свой прогноз ближайшего развития ситуации в академической науке вообще и антропологической, в частности. Что ожидает, на Ваш взгляд, Институт философии? Удастся ли сохранить в нём сложившиеся традиции, а главное – костяк профессиональных философов, чьи достижения являются предметом национальной гордости?

П.С.: Недавно я выступал на заседании Ученого совета, но не получил поддержки. Меня упрекнули в излишнем пессимизме. Именно на безответственный оптимизм и рассчитывают чиновники. Они скандально реформировали разные стороны общественной жизни, нанесли стране огромный, неисчислимый урон, каждый раз используя самую примитивную социальную демагогию. И что парадоксально – люди заглазывали эту наживку.

Сегодня многие ученые верят, что благодаря реформе РАН они станут академиками (потому что молодые, потому что член-коры, потому что все постепенно устаканится). У нашего Института, у РАН в целом есть возможность устоять. Если победит чиновник и РАН перестанет существовать, значит, мы этого достойны.

Ю.М.: *Не будем заканчивать наш разговор на этой печальной ноте, хотя с тем, что Вы говорите, я абсолютно согласен. Я хочу Вас поздравить с юбилеем, который является для всех нас значимым событием. Конечно, не время сейчас праздновать юбилеи, но Вы достойны самой высокой оценки. Лично я Вам крайне признателен за постоянную и неизменную поддержку многих моих начинаний. В моей жизни Вы занимаете особое место как человек и ученый. Буду рад продолжить с Вами разговор и обсудить детально ситуацию в отечественной науке.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и посл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М., 1988. – 552 с.
2. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. – М., 1991.
3. Феномен человека: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. – М., 1993. – 349 с.
4. Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. – М., 1995. – 320 с.
5. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. – М., 1995.
6. Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.М. Резника. – М., 2012.

Примечание

1. См.: Гуревич П.С. Антропологическое измерение культуры. – Пенза, 1995; Гуревич П.С. Философия человека. В 2 ч. М., 1999-2001; Гуревич П.С. Философская антропология. – М., 2001; Гуревич П.С. Человек и культура. – М., 2002; Гуревич П.С. Философская антропология: учеб. пособие. – М., 2008; Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия. – М.: ИФ РАН, 2009; Гуревич П.С. Философское постижение человека: проблемы, тенденции и новые темы философской антропологии. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBER Academic Publishing, 2011; Гуревич П.С. Философское толкование человека: монография. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012; Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. – СПб.: Петроглиф, 2013.